

НАЦИОНАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ И НАЦИОНАЛИЗМ

И.М. САВЕЛЬЕВА, А.В. ПОЛЕТАЕВ

Институт гуманитарных историко-теоретических исследований
Государственный университет – высшая школа экономики
101990, Москва, ул. Мясницкая, 20

Взаимоотношения исторической науки и идеологии национализма неизменно привлекают внимание как профессионального сообщества, так и широкой публики. В статье рассматривается эволюция этих отношений на протяжении XIX–XX вв. и анализируются составляющие образов прошлого, конструируемых в национально-ориентированной историографии.

В зачаточном виде отдельные компоненты национальной историографии в современном смысле возникают едва ли не одновременно с появлением знания о прошлом. Однако только в начале XIX в., благодаря усилиям историков и при поддержке государства, формируется принципиально новый тип историографии – национально-государственная.

Национально-государственная историография может выполнять разные прагматические функции. Прежде всего, она может ориентироваться на конкретные политические цели. Так, например, в работах итальянских, немецких и американских историков середины XIX в. часто ставилась и решалась задача содействия национально-государственному объединению. Точно так же национально-государственная историография может обосновывать внешнеполитические притязания, прежде всего территориальные (будь то Эльзас, Македония, Кашмир или Курильские острова). Но все же главные прагматические функции национально-государственной историографии связаны с задачами национальной самоидентификации и самоутверждения, т.е. формирования «образа нации».

Роль истории в национальной самоидентификации начала активно обсуждаться в середине XIX в. Например, И. Дройзен в своей речи, произнесенной при вступлении в Берлинскую Академию наук в 1868 г., подробно говорил о том, «какое значение, в том числе и политическое, имеет задача дать народу образ самого себя в его истории»¹. Проблема состоит в том, что идентификация *себя* вольно или невольно реализуется путем сопоставления с *другими*. Этот подход переносится и на нацию, которая начинает рассматриваться как некая целостность и наделяется персонифицированными чертами – духом и т. д. В результате в национальной истории на первом плане оказывается национальный консенсус; народ в целом противопоставляется народу, государство – государству.

На этапе формирования национальных государств и национального самосознания «националистическая история», видимо, оказывается неизбежным явлением и, как правило, не только не вызывает протестов в обществе, но и, по большей части, приветствуется им.

Говоря о национально-государственной историографии, следует иметь в виду, что на протяжении последних двух веков она существенно видоизменялась. Точно так же варьировалась степень ее «национализма», равно как и конкретные формы его выражения. Национализм историков-романтиков первой половины XIX в. был преимущественно либеральным и исходил из возможности мирного сосуществования, по крайней мере в Европе, свободных наций. В «Истории завоевания Англии» О. Тьерри с одинаковым сочувствием рассказана история десяти различных народов. Националисты разных стран в то время симпатизировали каждому национально-освободительному движению, будь-то в Италии, Греции, Болгарии или Польше.

«Интернациональный» подход к национальным историям вплоть до середины XIX в. сохраняли и многие представители других исторических школ. Например, Л. фон Ранке писал вполне объективные национальные истории не только Германии, но и Франции и Англии. Но во второй половине XIX – первой трети XX вв. процесс национализации истории идет по нарастающей. Национально-государственные истории становятся все более этноцентричными, ориентированными на идею превосходства собственной нации над другими. Не случайно в конце XIX в. появляется сам термин «этноцентризм», предложенный Л. Гумпловичем.

В конце XIX – начале XX в. историки начали активно участвовать в оценке текущих событий, манипулируя аргументами из прошлого. Более того, некоторые историки начали выступать даже не как носители, а как провозвестники националистических идей. Именно в такой роли многие немецкие (и не только немецкие) историки (и не только историки) оказались после 1 августа 1914 г., когда утверждали, что началась схватка между «немецким духом» и Западной Европой. Историк Г. Белов писал, что ход первой мировой войны обнаружил крах идеалов Французской революции: «Идеи свободы, равенства, братства преодолены немецкими идеями 1914 года, которые гласят: долг, порядок, справедливость»². Надо сказать, что французские историки не оставались в долгу. Во время Первой мировой войны даже такой передовой представитель научного подхода как А. Берр заговорил о «варварском менталитете» немцев, а Э. Дюркгейму привиделась в трудах Г. фон Трайчке «целостная ментальная и моральная система, которая с необходимостью ведет к войне»³.

С 1920-х гг. «националистическая историография» становится объектом критики, и термин «национализм» приобретает негативный оттенок в демократически ориентированной части профессионального сообщества⁴. С середины XX в. профессиональные историки в развитых странах в целом начинают бороться с националистической историографией, и она постепенно выводится за рамки исторической науки⁵. Ныне в развитых странах в научных исторических работах националистические обертонны почти незаметны, но они вполне различимы в учебниках (особенно школьных) и научно-популярных работах.

В то же время в 1960-е годы появляется национальная историография развивающихся стран, в том числе бывших колоний, и здесь мы снова сталкиваемся с самыми крайними националистическими версиями историописания. Постепенно уровень национализма в историографии этих стран начал идти на убыль, поскольку историки из стран «третьего мира» стали все активнее вовлекаться в мировое научное сообщество (благодаря обучению в западных университетах, стажировкам, участию в международных конференциях, публикациям в международных журналах).

Наконец, в 1990-е гг. возникла новая волна националистической историографии, на этот раз в ставших независимыми бывших советских республиках. Поскольку многие историки в этих странах пока продолжают существовать в условиях автар-

кии, здесь сохраняются и крайние проявления национализма и в сфере профессиональной историографии.

Даже в тех случаях, когда сами историки отказываются от идеологизированного подхода, их работы могут использоваться различными националистическими идеологиями. Как справедливо заметил Э. Хобсбоум, – «... историки для национализма – это то же самое, что сеятели мака в Пакистане для потребителей героина: мы обеспечиваем рынок важнейшим сырьем... Прошлое и *есть* то, что создает нацию; именно прошлое нации оправдывает ее в глазах других, а историки – это люди, которые “производят” это прошлое»⁶.

Понятие национализма.

Национализм является одной из идеологических доктрин современности, сыгравшей ключевую роль в политической мобилизации масс и, в отличие от «классических» партийно-политических идеологий, продолжает набирать обороты на рубеже XX–XXI вв. Эта идеология дает национальным движениям «особые символы, образы и понятия (например, “народ”, “родина”, подлинность, судьба и независимость)»⁷.

Впрочем, не все согласятся с безоговорочным отнесением национализма к идеологиям, поэтому этот тезис, видимо, нуждается в некоторой дополнительной аргументации. Отметим только некоторые «родовые» признаки, позволяющие, по нашему мнению, числить национализм по разряду идеологий. Национализм, как и любая идеология, предлагает целостный взгляд на общество и представляет собой набор взаимосвязанных социально-политических идей. Как идеология он обладает мобилизующим политическим потенциалом, генерирующим социальные (национальные, националистические, расовые, этнические) движения и легитимизирующим созданные на базе этих движений институты, вплоть до национального государства.

Наконец, как и положено идеологии, национализм партикулярен. Причем его партикулярность проявляется в двух смыслах: в границах общественной системы (межгосударственной или государственной), где каждая нация исповедует свой национализм, и в пределах самой «нации», не все представители которой индоктринированы национальной/государственной идеей. Ибо, как пишет Э. Хобсбоум, «...мы не вправе считать, будто для большинства людей национальная идентификация – если таковая существует – исключает или всякий раз (или вообще когда-либо) превосходит по своей значимости все прочие способы самоидентификации»⁸.

Практически все исследователи сходятся в том, что как *идеология* и *движение* национализм представляет собой явление современности. Столь же бесспорно, что и этот тип идеологии обладает отчетливой темпоральной структурой, в которой активизированы и знания о прошлом, и представления о настоящем, и проекты будущего. Причем «реальное» и «идеальное», рациональное и мистическое в разных национальных идеологиях сочетаются в самых причудливых пропорциях.

На первом этапе национальные идеологии создавались совокупными трудами представителей искусства, философии и общественных наук. По мнению французского историка П. Нора: «В Германии, например, носителями национальной идеи являлись в основном философы. В Центральной и Восточной Европе гарантом и зародышем ее развития был национальный фольклор. Во Франции роль организатора и руководителя национального сознания всегда принадлежала историкам»⁹.

На протяжении почти всего XX в. национализм трактовался как идейно-политическое обоснование интересов определенной социальной группы, а именно – на-

ции. При этом само существование нации, равно как и национальных интересов, в качестве «объективной реальности» сомнению не подвергалось. Различия в трактовке национализма были связаны только с формами выражения национальной идеи – умеренный национализм в целом приветствовался, а осуждению подвергался крайний, агрессивный, национализм, не просто отстаивающий интересы той или иной нации, но утверждавший ее превосходство над другими.

Однако в 1983 г. одновременно появились программные книги, выдвинувшие две конкурирующие гипотезы об истоках и происхождении национализма и связи этой разновидности идеологии с понятием нации. Это были «Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма» Б. Андерсона и «Нации и национализм» Э. Геллнера¹⁰. В основе методологии обоих исследований лежал неомарксистский подход, дополненный постмодернистской темой деконструкции. В рамках той и другой концепции нации трактовались как культурные артефакты, но в одном случае как продукт коллективного (массового) «воображения», а в другом – как «изобретение» политической элиты. В любом варианте из области «реально» существующих нации переводились в конструктивистский дискурс.

В рамках подхода, предложенного Б. Андерсоном, нации связаны с идентификацией на основе этнического сообщества (воображаемого), которая оформляется в конце XVIII – начале XIX вв., но укоренена в более далеком прошлом. Исследователи, занимающие эту позицию, концентрируются на поисках культурных предпосылок или «основ» национального сознания в самом народе, которое националистически ориентированные интеллектуалы лишь «вычлениют». Тем самым «несударственные» признаки национальной общности: культура, язык, историческая территория, прошлое – считаются «реальными» и служат легитимным основанием для консолидации сообщества, но само сообщество (нация) полагается «воображаемым» артефактом. По мнению Андерсона,

«Сотворение этих артефактов к концу XVIII в. было спонтанной дистилляцией сложного “скрещения” дискретных исторических сил, но стоило лишь им появиться, как они сразу стали “модульными”, пригодными к переносу (в разной степени сознательному) на огромное множество социальных территорий и обрели способность впалять в себя или самим впаляться в столь же широкое множество самых разных политических и идеологических констелляций»¹¹.

Нация в такой трактовке выступает как характерный для современного общества способ связать воедино пространство, время и человеческую солидарность, а национализм оказывается в одном ряду с родством или религией, а не с либерализмом или фашизмом¹².

В рамках второго подхода, представленного в работах Э. Геллнера и некоторых других авторов, национализм определяется как «изм», доктрина, которая транслируется от интеллектуалов в массовые движения. В этом случае типология национализма может строиться на основе сочетания с разными видами классических и новых идеологических доктрин, например: либеральный, гуманитарный, традиционный, интегральный и др. национализмы. В логике этого подхода утверждается, что нация и ее прошлое – это идеологическая или историческая *конструкция*, которая возникает в конце XVIII – начале XIX вв.¹³, и тем самым нация не есть реальность, ибо само это понятие создано в рамках национализма как идеологической доктрины. Как пишет Э. Геллнер: «Нации как естественные, Богом установленные способы классификации людей, как некая исконная... политическая судьба – это миф, ... (а реальность – это я – И.С., А.П.) национализм, который превращает предшест-

вующие культуры в нации, иногда сам изобретает подобные культуры, а порой полностью стирает следы прежних культур»¹⁴.

Таким образом, Геллнер считает нацию идеологическим фантомом, порожденным националистической идеологией: «Национализм не есть пробуждение наций к самосознанию, он изобретает нации там, где их не существует»¹⁵.

Надо сказать, что идущая уже более двадцати лет дискуссия вокруг этих работ выглядит несколько надуманной. Во-первых, совершенно очевидно, что понятие нации в современном смысле начинает формироваться только с конца XVIII в. и упрочивается лишь в XIX в. (в этом сходятся сторонники обеих концепций). Как показано во множестве исследований по истории понятий, до XVIII в. слово «нация» (лат. *natio*, от *passi* – рожден) хотя и употреблялось, но имело гораздо более узкий смысл, обозначая или родовую общность, или землячество в средневековых университетах, на церковных соборах и т.д. Термин «национализм» (фр. *nationalisme*) впервые был использован в работе некоего аббата Барруэля, опубликованной в 1797–1798 гг., постепенно распространяться в европейских странах он начинает с 1830-х гг., но, скажем, во французском словаре «Larouss» это слово появилось только в 1874 г.¹⁶

Во-вторых, с точки зрения социологии знания, все социальные феномены являются мыслительными конструктами, что не мешает им превращаться в «реальность» в результате их коллективного признания и социальной объективации.

В-третьих, достаточно общим местом является утверждение, что современное понятие нации было сформировано европейской интеллектуальной и политической элитой (впрочем, как и все остальные понятия, возникшие в XVIII–XIX вв.). Но в то же время любому историку ясно, что зачатки «национальной» идентификации (или самоидентификации) возникают еще в глубокой древности. Вопрос заключается лишь в том, какие основные формы такой идентификации можно выделить, как они эволюционировали в Новое время и с какими разновидностями национализма они связаны.

Как показано во множестве исследований, процесс образования национальных государств в XVIII и особенно в XIX вв. сопровождался активным созданием национально-государственной символики (гимнов, флагов, монументов, «мест памяти», праздников и различных церемоний и ритуалов)¹⁷. В рамках этого процесса «изобретения традиций» в том числе использовались и различные этнические компоненты (элементы фольклора, музыки, обрядов, одежды населяющих то или иное государство народностей). При этом часто активизировались абсолютно маргинальные или практически забытые к этому времени этнокультурные символы или они вообще придумывались заново.

Что касается соотношения наций и национализма (условно говоря, массовой коллективной идентичности и верхушечной идеологии), то здесь наиболее разумной выглядит компромиссная позиция, представленная, в частности, в работах Э. Хобсбоума. Он справедливо отмечает, что национальные феномены имеют двойственный характер: в главном они конструируются «сверху», и все же их нельзя постигнуть вполне, если не подойти к ним «снизу», с точки зрения убеждений, предрассудков, надежд, потребностей, чаяний и интересов простого человека, которые вовсе не обязательно являются национальными, а тем более – националистическими по своей природе¹⁸.

Спор о том, действительно ли те или иные национальные идеологии выражают «национальные интересы» и существуют ли нации «на самом деле», вообще говоря, не представляет особого интереса. Ситуация здесь практически идентична случаю с «классовыми идеологиями» и, соответственно, понятием «класса»: довольно долго

шла дискуссия о том, существуют ли классы на самом деле и выражает ли, например, марксизм, интересы рабочего класса. Но применительно к «классовым идеологиям» от этих дискуссий отказались уже много лет назад (что отнюдь не мешает исследовать, например, социалистическую идеологию), а в отношении «национальных идеологий» они почему-то продолжают по сей день.

Националистические идеологии можно классифицировать самыми разными способами¹⁹. С точки зрения нашего анализа, при классификации националистических идеологий по способам конструирования темпоральной картины социального мира целесообразно отталкиваться от используемых в этих идеологиях концепций нации. В частности, еще Ф. Мейнеке в работе «Мировая буржуазия и национальное государство» (1907) предложил различать два типа наций – культурные и государственные (нем. *Kulturnation* и *Staatnation*): «Вопреки всем оговоркам, которые нужно сразу же сделать, нации можно разделить на культурные и государственные, то есть на нации, которые преимущественно основаны на каком-то культурном наследии, появившемся в результате совместной жизни, и на нации, которые основываются преимущественно на объединяющей силе общей политической истории и конституции»²⁰.

Государственное понимание нации направлено прежде всего на ассимиляцию, культурное – на дифференциацию²¹. Двум концепциям нации соответствуют два типа национальной идеологии, в которых по-разному выглядит соотношение прошлого, настоящего и будущего. Там, где не было государства, националисты конструировали из мифов прошлого и перспектив будущего идеальное отечество, которое не было укоренено в настоящем и должно было реализоваться политически когда-нибудь в будущем. Там, где государство уже было, создавалось менее мифологизированное былое, но зато оно было больше наполнено политическими символами и ценностями и связано с политической историей. В этом случае важную роль играло конструирование прошлого, связанное с доминантой настоящего, господствующими идеями и институтами, например, свободы, демократии, индустриализма, парламентаризма и т.д.

Культурно-национальное понятие «нация» чаще всего иллюстрируется на примере Германии и Италии. Здесь до середины XIX в. отсутствовало территориальное государство как таковое, и чувство общности опиралось на язык и культуру. В качестве примера государственно-национальной версии обычно служат США и Франция. После национальных революций в каждой из этих стран нация понимается как сообщество граждан, которые равны перед законом, независимо от социального положения, происхождения, языка или религии. Например, как следует из работы Ф. Броделя «Что такое Франция», границы Франции в гораздо большей степени были определены геополитикой, чем этнографией²².

Согласно национально-государственной точке зрения, культура, происхождение и язык являются вторичными факторами или не играют никакой роли, этнические границы по возможности игнорируются. Государственно-национальная концепция исходит из преимущественно политического содержания нации, которая образуется на основе уже существующего государства. Культурная интерпретация ориентируется на этническое содержание, и в качестве предпосылки нации выступает конкретный этнос (народ). При этом государство в большинстве случаев отсутствует, но в нем существует острая потребность, и основатели государства решают одновременно задачи национального *строительства* – сам термин говорит о многом.

Различие между двумя типами националистических идеологий отчетливо проявляется на лексическом и уровне. В рамках государственно-политического подхода

популярными словами являются «страна», «родина», «отчизна», «патриотизм» и т. д. В рамках этнокультурного подхода ключевыми терминами оказываются «национальный дух», «национальное предназначение», «национальный характер» и т. д., хотя в современном научном сообществе эти понятия имеют разный статус. Если по поводу «духа» или предназначения возникают сомнения, то такой важный элемент как национальный характер – признанный атрибут этноса, народности, народа в той же мере, что и нации. Это очень древнее представление было известно задолго до «учреждения» наций, и «нации» его не отменили. Если нацию определенная часть исследователей считает идеологической конструкцией, то понятие «национальный характер» гораздо менее идеологизировано, и многие до сих пор считают его по разряду «объективной реальности».

Различие между государственно-политической и этнокультурной концепциями наций и соответствующих им националистических идеологий прочно укоренилось в литературе, однако оно, конечно же, является аналитическим и нормативным. Современное понятие нации, сложившееся в XIX в., объединило (или скорее перемешало) этнические и государственные аспекты. Соответственно и национализм находился в процессе адаптации, приспособливаясь к разным историческим временам, политическим режимам, экономикам и социальным структурам. Даже самые чистые «образцы» политического и культурного национализма включают элементы конкурирующей концепции, равно как и отклонения от идеальных моделей²³. В любом случае и политический, и культурный национализм активно использовали фольклор, традиции, знание о прошлом и политизацию религии как способы создания или укрепления культурной и политической общности.

Националисты создают то прошлое, которое легитимизирует их притязания на государство и территорию, свою или чужую, на политическое доминирование и обладание культурным капиталом. Их темпоральные представления очень зависят от конкретных национальных задач. Они могут почти всецело определяться политическим моментом, а могут – и призрачным идеалом будущего, но во всех случаях прошлое является важнейшим фактором формирования национальной идентичности и политической мобилизации.

Образы прошлого в национальной историографии.

Попытаемся теперь показать, какое прошлое «производят» историки и выделить основные особенности национально-государственной историографии, в большей или меньшей степени имеющие «националистический» характер. Исторический образ нации-государства состоит по меньшей мере из трех основных компонентов: а) происхождение и становление нации-государства; б) национальная гордость и в) национальный характер.

а) Происхождение и становление.

Повествование о бытии коллективной личности-нации в большей или меньшей степени опирается на иррациональные установки, присущие массовому сознанию. Национальная история, как пишет П. Нора, – это «практически мифологическая история». «Принцип ее и динамизм состояли в том, чтобы выбирать из прошлого только те факты, которые объясняют развитие “нации”»²⁴.

Тенденциозность и ангажированность национальных историй начинается уже с вопроса о происхождении нации. Прежде всего, эта история создает для каждого народа свою древность, используя в том числе и мифы, особенно когда речь идет о по-

исках «корней», уводящих в далекие времена. Нередко конструирование «начала» опирается на различные теории об особом происхождении «своего народа». Поиски корней ведутся либо на определенном пространстве, либо на основе этнической истории, но всегда очевидно стремление максимально удлинить историческое прошлое. Возраст народа сам по себе рассматривается как свидетельство его достоинств.

До Нового времени символом древности любого политического образования была древность царствующего рода. По поводу всех этих «родословных» еще в середине XVI в. французский историк Этьен Паскье скептически заметил: «На самом деле удивительно, как каждая нация считает большой честью для себя вести свое происхождение от разрушения Трои. Римляне в этой связи считают своим основателем Энея, французы – Франкиона, турки – Туркуса, британцы – Брута... Как будто Троя была питомником благородных мужей, которые должны были обеспечить происхождение всех других стран»²⁵.

В XVIII в. начинается «изобретение наций» и их истории, включая «народные традиции» и «исторические корни». На смену мифическим героям Троянской войны на роль «прародителей» приходят древние племена и государства. Учитывая, что историография XVIII–XIX вв. преимущественно оставалась политической, национально-государственная историография шла по пути включения в национальную историю прежде всего всех государственно-политических образований, которые когда либо располагались на нынешней территории (даже если речь шла о небольшой части нынешней территории или небольшой части когда-то существовавшего государственного образования). Поэтому уже в первой половине XIX в. история Франции, например, включала в себя историю Бургундии, Нормандии, империи Карла Великого и Франкских королевств.

Политико-географический подход влиял и на представления об этнических корнях нации. При этом возникали фантастические анахронизмы; например, Ж.Э. Ренан в работе «Что такое нация?» (1882) писал: «Уже в X в. все обитатели Франции были французами. Идея различия рас в населении Франции абсолютно исчезла вместе с французскими писателями и поэтами эпохи Гуго Капета»²⁶. Только в начале XX в. П. Видаль де ла Блаш попытался остановить этот поток анахронизмов и процесс «национализации» прошлого, задав сакраментальный вопрос: «Является ли Франция географической реальностью?»²⁷

«Изобретение наций» повлияло и на национально-историческую идентификацию правящих династий. Как известно, на европейском континенте члены одних и тех же династических семей часто правили в разных, подчас даже враждующих, государствах: Бурбоны – во Франции и Испании, Гогенцоллерны – в Пруссии и Румынии, Виттельсбахи – в Баварии и Греции и т. д. Только к середине XIX в. «в силу быстро растущего во всей Европе престижа национальной идеи, в евро-средиземноморских монархиях наметилась отчетливая тенденция постепенно склоняться к манящей национальной идентификации. Романовы открыли, что они великороссы, Ганноверы – что они англичане, Гогенцоллерны – что они немцы, а их кузены с несколько большими затруднениями превращались в румын, греков и т.д.»²⁸

Изменения произошли и в подходе к предкам царствующих фамилий. На смену мифическим персонажам пришли более реальные властители, но одновременно этим древним персонажам стала присваиваться «правильная» национальность. Один из наиболее ярких примеров такого рода – вопрос об этнической принадлежности первых русских князей, полемику по поводу которого еще выдающийся русский историк В.О. Ключевский назвал «симптомом общественной патологии»²⁹.

Если в вопросе о происхождении национального государства часто доминируют этнические мотивы, то история его становления имеет преимущественно государственно-политический оттенок. Для национально-государственной истории особое значение приобретают такие темы, как изменение территориальных границ, развитие и укрепление государственной власти, изменение формы властных отношений и политического устройства. Соответственно, развитие национальной государственности иллюстрируется прежде всего описаниями войн и территориальных захватов (или потерь), причем особое внимание уделяется так называемым национально-освободительным войнам, в результате которых данное государство получило политическую самостоятельность. В результате в национально-государственной историографии очень высок удельный вес военно-политической истории. Много внимания уделяется также периодам царствования наиболее могущественных правителей, способствовавших централизации власти, а также различным политическим переворотам и революциям, менявшим систему властных отношений в государстве.

б) Национальная гордость.

Одной из задач национально-государственной историографии является формирование чувства национальной гордости, вплоть до ощущения национального превосходства. Оставляя в стороне крайние этноцентричные и шовинистические сочинения, которые относятся все же к националистической идеологии, а не к истории, остановимся на более мягких формах акцентирования достоинств той или иной нации-государства.

Так, в XIX в. одной из популярных среди историков тем была оценка «вклада в цивилизацию» своей страны или нации. Французские историки выдвинули версию, согласно которой именно Франция возглавила движение за цивилизацию. В лекциях по «Общей истории европейской цивилизации», прочитанных в Сорбонне в 1828 г., Ф. Гизо заявлял, что «Франция была центром, домом цивилизации в Европе». Э. Кине писал, что некоторые другие страны добились превосходства в одной области: Италия – в искусстве, Германия – в науке и религии, Англия – в промышленности, Соединенные Штаты – в свободе, но только Франция обладала инстинктом цивилизации, потребностью взять на себя инициативу в обеспечении прогресса современного общества³⁰.

Еще забавнее выглядела национализация прошлого по-американски, осуществленная пионером американской историографии Дж. Бэнкрофтом, который, как пишет Д. Бурстин, появился на американском горизонте, когда граждане «этой новой и еще не устоявшейся страны отчаянно стремились найти знаки и символы своей национальности»³¹. В своей речи «Необходимость, реальность и будущее развитие человеческой расы» (1854) Бэнкрофт так выразил свое понимание исторической роли США: «Наша страна собирает не только людей со всех стран, но и их идеи. Уничтожьте прошлое любой ведущей нации мира, и наша судьба изменилась бы. Италия и Испания в лице Колумба и Изабеллы соединились вместе для великого события, которое открыло Америку для эмиграции и торговли; Франция способствовала ее независимости; поиски происхождения языка, на котором мы говорим, привели нас в Индию, наша религия пришла из Палестины; из тех гимнов, что мы поем в церквях, некоторые прозвучали впервые в Италии, другие – в аравийских пустынях, третьи – на берегах Евфрата; наше искусство пришло из Греции; наше правосудие – из Рима; наш морской кодекс – из России; Англия обучила нас системе представительного правительства... Поэтому наша страна более, чем какая-либо другая, демонстрирует воплощение единства человеческой расы»³².

Однако эти мучительные поиски «интернациональной» американской идентичности привели, как заметил Д. Фурман, к возникновению в XX в. таких непостижимых для европейца понятий как «100-процентный американец» и «антиамериканская деятельность»³³.

В национально-государственной историографии можно выделить и другие способы самоутверждения, демонстрации превосходства, значимости, важности своей страны. Прежде всего это военная мощь и победы в битвах над противниками. Интересно, что изменения в системе ценностей, произошедшие на протяжении последних веков, и гуманизация сознания мало сказались на подборе воинственных примеров из «великого прошлого». И хотя нынешние историки мало говорят о массовых злодеяниях и преступлениях своих предков, они по-прежнему гордятся победоносными войнами и другими свидетельствами мощи своего государства, даже если им сопутствовала жестокость.

Справедливости ради надо отметить (и это видно даже из приведенной выше цитаты Бэнкрофта), что в Новое и новейшее время объектами национальной гордости становятся не только военные победы. Для национального самоутверждения крайне важны достижения в области культуры (архитектурные памятники или литературные шедевры, приоритет в открытиях и изобретениях и т.д.). Наконец, с XIX в. еще одним объектом национальной гордости становится политическая система – для демократических стран это, естественно, демократия, для многих историков царской России – самодержавие, для советских историков – «власть советов» и т.д.

Прагматическая установка на формирование чувства национальной гордости имеет ярко выраженный презентистский оттенок. Если «достижения» имели место в прошлом (например, развитие литературы в XIX в.), то они «осовремениваются», используются как продолжающее действовать доказательство нынешних претензий на «значимость» данной нации-государства. Вместе с тем характеристики нынешней ситуации (например, демократическая система правления), которые объявляются предметом национальной гордости, переносятся в прошлое и выступают в качестве доказательства исконного, исторического превосходства.

в) *Национальный характер.*

Национальный характер тоже может быть объектом гордости, но, как правило, – это признак *особости* данной нации, в отличие от направленных на формирование чувства национальной гордости «достижений», которые фиксируются на основании униформных параметров, условно говоря, в рамках некоего «общего соревнования» всех наций-государств.

Интерес к национальному характеру возник еще в античности, четко артикулировался в средневековой Западной Европе и в Византии, и в той или иной мере сохранялся на протяжении Нового времени. Можно утверждать, что в наши дни изучение национального характера идет по нарастающей. Становление исследований «национального характера», в том числе на историческом материале, в середине XX в. стимулировалось откровенно политическими целями.

Например, в годы Второй мировой войны заинтересованность американского министерства обороны в знании особенностей психологического склада участвующих в войне наций обусловили обилие прикладных исследований «национальных характеров» в американской антропологии. Именно тогда в американских военных кругах возникла мысль о том, что «понимание психологии наших врагов и их лидеров было бы полезно для планирования действий в военный и послевоенный периоды, а также было бы полезно знать психологические характеристики наших со-

юзников, особенно если они когда-нибудь могут стать нашими врагами. Подобным же образом знание американского национального характера может помочь поднять моральный уровень и боевой дух»³⁴.

В современной литературе понятие «национальный характер» обычно используют для описания устойчивых личностных особенностей, типичных для членов той или иной национальной или этнической группы; при этом исследуются доминирующие в группе паттерны внешнего поведения или некие общие «глубинные» психологические механизмы, специфические для членов данной группы. К устойчивым личностным особенностям необходимо добавить еще нормы и ценности, определяющие национальный характер.

Заметим, что активно присутствующая в национально-государственной историографии тема «национального характера» несет в себе очень сильный элемент антиисторизма: «национальный характер» и «национальный дух» издавна трактовались и по существу до сих пор трактуются как неизменные. В результате по крайней мере со времен романтиков «исторический путь» нации представал как предопределенный. Как писал А. де Токвиль о создателях национальных «Историй», они «не только отказывают любому отдельному гражданину в возможности влиять на судьбу своего народа, но также отнимают у самих народов возможность изменять собственную участь... По их мнению, каждая нация имеет свою неизбежную судьбу, предопределяемую ее положением, происхождением, ее прошлым и врожденными особенностями, и эту судьбу никакие усилия не смогут изменить. Они представляют поколения в их неразрывной взаимосвязи и, восходя таким образом от века к веку, от одних неизбежных событий к другим неизбежным событиям, достигают времен сотворения мира и куют мощные цепи, опутывающие весь род людской»³⁵.

Проявления «национального характера» или «национального духа» также часто иллюстрируются на примере истории внешнеполитических военных конфликтов. Даже в случае военных поражений или утраты политической независимости каждый народ проявляет «стойкость», «мужество», «героизм», «любовь к родине» и т. д. В случае военных побед и территориальных захватов к этому добавляется «справедливость», «милосердие» и проч. Кроме того, национальный характер часто выступает в связке с национальным превосходством, как в качестве основы «достижений» (трудолюбие, талантливость, коллективизм и т. д.), так и для оправдания их отсутствия...

* * *

Прагматическая ориентация национально-государственной историографии определяет специфические черты данного типа идеологизированной истории, влияет на отбор действующих лиц, значимых исторических событий и периодов, равно как и на их интерпретацию.

Так, главными «героями» национально-государственной истории становятся лица, которые способствовали становлению и укреплению государственности, служат символами ее мощи и достижений или являются выразителями «национального духа». Не удивительно, что при таком подходе в числе главных исторических персонажей оказываются прежде всего государственные и политические деятели, военачальники, затем деятели культуры и науки и, наконец, «народные герои» (типа Никола Шовена или Ивана Сусанина).

Точно так же решается судьба *событий*. В число основных объектов национально-государственной историографии попадают те, которые отражают или важные этапы становления государственности (борьба за национальную независимость,

революции и т. д.), или проявления национального превосходства и национального духа. В результате в историях наций мы обнаруживаем все известные нам приемы «игр со временем»: пропуски исторического времени, переносы «начала» и «конца», удлинение и сжатие времени. В национализированной истории «связь времен» прошлого и настоящего достигается за счет отрицания целых пластов прошлого.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дройзен И.Г. Речь, произнесенная при вступлении в Берлинскую Академию наук [1868] // Дройзен И.Г. Историка. – СПб., 2004. – С. 576.

² Цит. по: Krockow Ch., von. Die Deutschen in ihrem Jahrhundert 1890–1990. – Reinbeck bei-Hamburg, 1992. – S. 100.

³ Цит. по: *Mentalitätengeschichte. Zur historischen Rekonstruktion geistiger Prozesse* / Hrsg. U. Raulf. – B., 1987. – S. 62.

⁴ См.: Kennedy P. M. The Decline of the Nationalistic History in the West, 1900–1970 // *Historians in Politics* / Eds. W. Laqueur, G.L. Mosse. – L.; Beverly Hills (CA), 1974. – P. 329–352.

⁵ Смит Э.Д. Национализм и историки [1992] // *Нации и национализм* / Ред. Б. Андерсон и др. – М., 2002. – С. 255.

⁶ Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе [1992] // *Нации и национализм* / Ред. Б. Андерсон и др. – М., 2002 – С. 332.

⁷ Смит Э.Д. Национализм и модернизм: Краткий обзор современных теорий наций и национализма. – М., 2004. – С. 177.

⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – СПб., 1998. – С. 21.

⁹ Нора П. Предисловие к русскому изданию // П. Нора и др. Франция – память. – СПб., 1999 [1984–1993]. – С. 5.

¹⁰ Андерсон Б. Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма. – М., 2001; Геллнер Э. Нации и национализм. – М., 1991.

¹¹ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... – С. 29.

¹² Там же. – С. 30.

¹³ Подробнее см.: Breuilly J. Nationalism and the State. – Manchester, 1993. – Ch. 1.

¹⁴ Геллнер Э. Нации и национализм. – С. 48–49.

¹⁵ Gellner E. Thought and Change. – Chicago, 1964. – P. 169.

¹⁶ Об истории понятий «нация» и «национализм» см.: Kohn H. The idea of nationalism: A study in its origins and background. – N.Y., 1944; Kemiläinen A. Nationalism: Problems concerning the word, the concept and classification. – Jyväskylä, 1964; Bertier de Sauvigny G., de. liberalism, nationalism, and socialism: The birth of Three words // *Review of politics*. – 1970. – V. 32. – P. 147–166; Hinsley F. N. Nationalism and the international system. – L., 1973.

¹⁷ См., например: Бурстин Д. Американцы: В 3 т. – М., 1993. – Т. 2; The invention of tradition / Eds. E. Hobsbawm, T. Ranger. – Cambridge, 1983; *Patriotism: The making and unmaking of British national identity* / Ed. R. Samuel: 3 vols. – L.; N.Y., 1989; Уортман Р. С. Сценарии власти: Мифы и церемонии русской монархии: В 2 т. – М., 2004.

¹⁸ Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. – С. 20.

¹⁹ Варианты типологий национализма см., например, в: Snyder L. The meaning of nationalism. – New Brunswick (NJ), 1954; *Idem*. The new nationalism. – Ithaca, 1968. – P. 64–67; Minoque K. Nationalism. – L., 1967. – Ch. 1.

²⁰ Meinecke F. Weltbürgertum und nationalstaat: Studien zur genesis des Deutschen nationalstaates // Meinecke F. Werke. – München, 1969. – Bd. 5. – S. 2.

²¹ См.: Krejci Y., Velimsky V. Ethnic and political nations in Europe. – L., 1981.

²² Бродель Ф. Что такое Франция? – М., 1994. – Кн. 1. Пространство и история.

²³ См.: Смит Э. Национализм и модернизм – С. 236 и др.

²⁴ Нора П. Предисловие к русскому изданию. – С. 7.

²⁵ Цит. по: Burke P. The Renaissance sense of the past. – N.Y., 1969. – P. 73.

- ²⁶ Цит. по: Смит Э. Национализм и историки. – С. 240.
²⁷ Vidal de la Blache P. Tableau de la géographie de la France. – P., 1979. – P. 8.
²⁸ Андерсон Б. Воображаемые сообщества... – С. 107.
²⁹ Цит. по: Данилевский И.Н. Древняя Русь глазами современников и потомков (IX–XII вв.). – М., 1998. – С. 45.
³⁰ Цит. по: Zeldin Th. France 1848–1945: Intellect and pride. – Oxford, 1980. – P. 7, 9.
³¹ Бурстин Д. Американцы. – С. 467.
³² Цит. по: Там же. – С. 470.
³³ Фурман Д.Е. Религия и социальные конфликты в США. – М., 1981. – С. 92–93.
³⁴ Воск Ph. K. Continuities in psychological anthropology. – San Francisco, 1980. – P. 108.
³⁵ Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1994. – С. 366–367.

NATIONAL HISTORY AND NATIONALISM

I.M. SAVELIEVA
A.V. POLETAYEV

Institute for Theoretical and Historical Studies in the Humanities
State University – Higher School of Economics
20 Myasnitskaya Str., Moscow, 101990 Russia

Relations between historical science and ideology of nationalism permanently attract attention both of professional community and of the public at large. The article is devoted to the evolution of this phenomenon in the 19–20th centuries. Authors analyze the main components of the images of the past constructed in the nationalist-oriented historiography.